

Столп и утверждение чувашской филологии

До конца 19-го века чувашская филология как наука в России представляла собой разрозненные, полудилетантские публикации на отдельные сюжеты. Хотя был Н.И. Золотницкий со своим «Корневым словарем чувашского языка», который как бы приоткрывал дверь в историю чувашского языка, и была первая научная грамматика Вильгельма Шотта (1807-1899) «The Lingua Tschuwaschorum». Но мало кого интересовал живой чувашский язык, звучащее чувашское слово как объект лингвистический. Чувашский язык в полном объеме, его современное состояние и «чувашские древности» совокупно с верованиями, мифологией, народной словесностью стал изучать именно Н.И. Ашмарин.

О деятельности выдающегося чувашеоведа Николая Ивановича Ашмарина (1870-1933) в силу разносторонности и глубины его научных интересов говорят как о подвиге. Он родился в г. Ядрине Казанской губернии, но так как его самое раннее детство и начальные годы учения прошли в г. Курмыше, именно его он и считал своей родиной.

Русский человек, «сын 2-й гильдии купца города Ядрина Ивана Ашмарина и законной жены его Александры Васильевой», как отмечал академик В.А. Гордлевский, «...созданию чувашской филологии отдал жизнь с юных лет. Это было осознанное и продуманное решение человека, который ясно видел, как недостаточны труды о чувашах, древнейших насельниках Поволжья...».

Да, именно с юных лет... Ашмарин еще мальчиком жадно ловил звуки чувашской речи. Его поражал и облик чувашей, которые приезжали в Курмыш из Засурья. Он был лингвистически одарен с детства, и как он сам пишет: «Первые чувашские слова и фразы я узнал от моей бабушки (по матери), которая относилась очень сочувственно к чувашам. Некоторыми чертами своей личности она оставила на моем нравственном облике

неизгладимые следы». Эта бабушка была чувашкой, то есть кукамай, и ее доброе влияние, вероятно, предопределило будущий жизненный выбор Николая Ашмарина.

Этим выбором был чувашский язык и всестороннее изучение жизни чувашей. Можно сказать, что свое призвание он осознал окончательно и бесповоротно уже в первые годы учения в нижегородской классической гимназии («Изучение чувашского языка начато мною еще на гимназической скамье, когда мне было 13 лет. Я изучал язык самостоятельно, без учителя и не имел почти никаких пособий,..»). Уже тогда Ашмарин осознавал себя филологом, но радовался тому, что «не отдался изучению классической древности, которая так легко могла бы очаровать своими вечными красотами начинающего...». Хотя интерес к древним языкам и особенно «слабость» к латыни он сохранил на всю жизнь. В гимназии же Ашмарин начал самостоятельно учить арабский, персидский и османский (турецкий) языки, а также мишарский в практическом общении с нижегородскими татарами. Поступив в Лазаревский институт восточных языков, московский центр отечественного востоковедения, и лицезрея воочию таких корифеев, как В.Ф.Миллер, Ф.Е.Корш, В.Ф.Минорский, А.Е.Крымский и др., 20-летний филолог с жаром изучает восточные языки, прежде всего турецкий, как родственный чувашскому, но не забывает напутствие и благословение своей чувашской кукамай. Уже на первом курсе он написал и позднее, в 1892 г., опубликовал свою первую научную работу «Очерк народной поэзии у чуваш». Молодой студент в ней открыл для себя мир чувашской песни (народной поэзии), которая выражала и основные черты национального характера (тонкая наблюдательность, отношение к природе как к одухотворенному существу и вытекающие отсюда природосообразность, доброжелательность и уважение к мнению «добрых людей», миролюбие, незлобивость, почитание родителей и старших родственников, домоседство и своеобразный культ родного дома, родного села, особое понимание идеала красоты, любовных отношений и т.д.), и своего рода чувашскую философию

жизни» на уровне коллективного бессознательного. Чуваш, пишет Н. Ашмарин, твердо верит в Торă, «верховное существо, всем управляющее, которое заботится о людях, покровительствует честным и благородным и разрушает злые наветы», но при этом интересы чуваша часто ограничиваются пределами своей деревни, общенациональные цели и устремления осознаются им слабо. И все же, как бы мы сказали сейчас, чуваш это экзистенциалист по определению, и Н. Ашмарин завершает свой очерк таким выводом: «Чуваш не является в песне исключительно преданным низшим материальным интересам; его самосознание восходит до истинно-гуманных взглядов на жизнь, он уже способен углубиться в себя самого, в свой внутренний мир и рассматривать философски то, что его окружает. Он живет не только настоящей минутой: неизвестное будущее часто заставляет его призадуматься, его возмущает людская несправедливость, он горюет о трудных временах, которые приходится переживать, и пытается объяснить те грустные явления, которые видит у себя перед глазами...». Удивительно, как юноша Ашмарин смог выявить и определить самые, может быть, глубинные черты народной психологии и особенности чувашского мировоззрения.

Окончив Лазаревский институт в 1894 году, Н. Ашмарин переезжает в Казань, и вся его деятельность в течение почти 40 лет на поприще народного просвещения и науки была посвящена языку, истории и духовной культуре чувашского народа. Ступив на стезю служения чувашскому народу, Н. Ашмарин все свои силы концентрирует прежде всего на изучении живого народного чувашского языка во всем многообразии говоров, его звукового строя и грамматики, его словарного состава, взаимосвязях чувашского языка с другими родственными тюркскими и соседними финно-угорскими языками (мари, мокша, эрзя, удмуртский), а также проблеме происхождения чувашского языка и чувашского этноса («теория болгарского происхождения чуваш», наиболее полное обоснование которой на уровне своего времени дал ученый уже в 1902 году в работе «Болгары и чувашцы»). Эта теория позднее

получила блистательное подтверждение и развитие в трудах самых выдающихся тюркологов-филологов 20-го столетия, в том числе в *Philologiae Turcicae Fundamenta* (Wiesbaden, 1959). Чувашские исследователи подвели своеобразный итог своим историческим и этнокультурным штудиям в сборнике статей «Болгары и чувашаи» (Чебоксары, 1984).

«Материалы для исследования чувашского языка» (1898), «Опыт исследования чувашского синтаксиса» (1903, 1923) – в сумме представляют собой фундаментальную грамматику чувашского языка. В 1900 году Н.И. Ашмарин публикует в двух изданиях «Программу для составления чувашского словаря», желая привлечь чувашскую общественность к сбору материалов. Словарь начинает выходить (1910-1912) при содействии профессора Казанского Императорского Университета, известного тюрколога Н.Ф. Катанова, но полностью издание будет реализовано только в 1928-1950 годах. Этот всемирно известный 17-томный «Словарь чувашского языка (*Thesaurus Linguae Tschuwaschorum*) является не только «выдающимся памятником науки» (И.Ю. Крачковский), «выдающимся явлением в области громадной словарной работы» (Н.Н. Поппе), «классическим трудом» (В.В. Бартольд), но и подлинной энциклопедией материальной и духовной культуры чувашского народа. Из этой неиссякаемой сокровищницы чувашские гуманитарии-исследователи, писатели до сих пор черпают себе на потребу редкие, диалектные, архаичные слова, их толкования, собственные имена, описания обрядов и т.д. И потому мы по праву в этом году одновременно со 130-летием со дня рождения выдающегося ученого можем отмечать 100-летие этого источника творческой силы чувашского языка (учитывая дату публикации «Программы...»), «Чувашский народ может считать себя счастливым, что имеет такой ценный «Словарь чувашского языка», – писал член-корреспондент АН СССР С.Е. Малов в 1940 году.

Итак, конечно же, сам чувашский язык для Н.И. Ашмарина является краеугольным камнем здания чувашской филологии в целом. Он не уставал повторять, что «язык это великое целое, вековое создание творческой мысли

народа...». Творческое начало языка было весьма важно для исследователя. Через это понятие от первоначального, в некоторой степени естественного живого интереса просто к «чужому» языку он приходит к более широкому осмыслению, как бы мы выразились сейчас, «чувашского языкового существования». Язык не существует сам по себе и для себя. В латинском предисловии к Словарю (1910) Н.И. Ашмарин говорит, что он не просто собирал материалы и тщательно исследовал значения отдельных слов, но и старался «изобразить самую жизнь и обычаи народа... ибо язык в отдельности каждого народа теснейшим образом связан со всеми его обычаями и установлениями». То есть язык как творчество погружен в стихию народной словесности, фольклора и укоренен в быте («обычаях и установлениях»). В современной семиотике (К. Леви-Стросс, Р. Якобсон) все эти три составляющие объединяются общим понятием коммуникации, на всех ее трех уровнях мы имеем обмен сообщениями и, соответственно, семиотики языка, фольклора и ритуально-мифологического поведения, которое определяет общественную жизнь.

Хотя сам Н.И. Ашмарин, как правило, избегал теоретических построений и был в большей степени языковедом-эмпириком, «ученым автодидактом» (В.А. Гордлевский), именно через чувашский язык он выходил на теоретический уровень и пытался формулировать свою «психологию языка». Мы можем найти серьезные параллели его высказываниям в работах известнейшего этнопсихолога В. Вундта (1852-1910), труды которого он, несомненно, знал, также очевиден его интерес к базисным категориям философии языка Вильгельма фон Гумбольдта (1767-1855). Если последний утверждал, что «языковедение есть тщательное исследование разных путей, на каких бесчисленные народы решают всечеловеческую задачу создания языка ... и оно пытается проникнуть в то средостение, где язык связан с формированием духовной силы нации», то Н.И. Ашмарин исследовал, каким путем идет и развивается именно чувашский язык и как через него, посредством него формируется «духовная

личность народа, «народная душа», «мыслительный кругозор масс», «дух народа» и т.д. Совпадение понятий и понимание языка как деятельности духа здесь поразительное.

Н.И. Ашмарин, как лингвист-тюрколог, как выдающийся деятель чувашской (!) нации, пользовался уважением среди коллег, и его имя стояло в одном ряду со многими корифеями отечественного востоковедения. Как чувашевед, он имел широкую международную известность. Г.Й. Рамstedту, крупнейшему финскому языковеду и основоположнику алтайского языкознания, достаточно было сказать: «Так говорит выдающийся исследователь и знаток чувашского языка Ашмарин... (SO SAGT DER AUSGEZEICHNETE ERFORSCHER UND KENNER DES TSCHUWASSISCHEN ASCHMARIN), как все становилось ясным. Авторитет ученого был непререкаем.

С его научным наследием дело обстоит сложнее. Знаменитый Словарь в советское время из-за цензурных и идеологических требований был значительно сокращен в объеме и подвергся правке, труды Ашмарина стали раритетными. В 1958 году Совет Министров Чувашской АССР принял постановление об издании его сочинений в трех томах, аналогичное решение приняла научная конференция во время празднования 100-летия со дня рождения Ашмарина в 1970 году. Оба эти решения так и не были реализованы. Своеобразная Ашмаринская психология и даже философия языка (на основе «картины чувашского народного мышления») еще не осмыслена нами. Ашмарин очень хорошо понимал цели и задачи чувашской филологии, понимал, что «каждое слово языка в его первоначальном значении это – отражение первобытной мысли, воспоминание о старом обычае, обломок старого быта, отзвук забытой мелодии, памятник старого мировоззрения, отпечаток древнего понимания природы». Вот это единство чувашской филологии, где Язык все же приоритетен, нам необходимо семиотически подтвердить сейчас, в конце 20-го столетия. Н.И. Ашмарин

смог осуществить свою миссию и развернуть весь фронт филологических изысканий.

Может быть, ученый смог бы реализоваться еще полнее, если бы не те унижительные материальные условия и лишения, в которых пребывали он и его многодетная семья в 20-50-е годы, но высокие устремления его ума, полная преданность «своей основной работе – исследованиям в области чувашского языка, обработке и преподаванию чувашского языка», наверное, в какой-то степени помогали.

Жребий «служить чувашскому языку» выпал Ашмарину в 13 лет. Его труды, созданные ровно за полвека, и его деятельность в период, когда духовная способность самого чувашского языка к возрождению и развитию была вспышкой силы, мощи и чувашский язык устанавливал цели и влиял на духовную деятельность народа (действия чувашской интеллигенции 2-й половины 19-го века, период языкового и культурного строительства 20-30-х годов) являются воистину столпом и утверждением чувашской филологии. Н.И. Ашмарин прожил свою недолгую жизнь во имя чувашского языка, продукта чувашской творческой мысли. Его заветы исполнять нам, ныне живущим.

Хузангай, А. Столп и утверждение чувашской филологии / А. Хузангай // Ашмарин, Н. И. Болгары и чувашки / Н. И. Ашмарин. – Чебоксары : ЧГИГН, 2000. – С.5-8.